

А.С. Дягилев

РУССКО-КАЗАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ XV в.: К ВОПРОСУ О СВЕРЖЕНИИ ОРДЫНСКОГО ИГА НА РУСИ

1445 г. являлся поворотным моментом в русско-ордынских отношениях: в результате поражения московских войск в войне с Ордой Улуг-Мухаммада и пленения великого князя Василия II происходит переориентация вассального подчинения московского великого княжества и зависимых от него земель. Традиционного сюзерена – хана Большой Орды – сменил хан вновь образованного Казанского ханства.

Трактовка некоторыми учеными основания Касимовского царства, ставшего следствием договора 1445 г. и “испомещения” на территории Руси под давлением Казани татарских царевичей, опровергается событийным рядом (служба царевичей Василию II во время набега казанцев в 1448 г., а также сам факт службы царей Касимовского ханства Москве, а не Казани). Этим подтверждается мнение В.В. Вельяминова-Зернова о том, что причина образования ханства связана с необходимостью обороны границ Московского великого княжества от набегов ордынцев. Кроме того, данными летописей подтверждается известие из “Казанского летописца” о перевороте в Казани (свержение хана Улуг-Мухаммада царевичем Махмудеком), опровергаемое некоторыми учеными. Это приход царевичей Касима и Якуба “из Черкас” к Василию Темному в 1446 г. (что уже указывалось в литературе), решающим же аргументом является задержание (в ряде летописей – и убийство) в Муроме ханского посла Бегича (осень 1445 г.).

В 1447–1448 гг. происходит утверждение системы вассальной зависимости Москвы от Казани, а также непризнание Москвой прав сюзеренитета двух других претендентов на правопреемность, появившихся после распада Золотой Орды – Сеид-Ахмада и Кичи-Мухаммада. С тезисом о существовании “двойного” подчинения Северо-Восточной Руси Казанскому ханству и Большой Орде, высказанным некоторыми учеными (М.Г. Худяков, В.Д. Назаров), трудно согласиться. Доминирование Орды Сеид-Ахмада в степи от Днепра до Волги ставит под сомнение выплату дани Кичи-Мухаммаду. Маловероятна и сама возможность “двойного” ига, тем более что существующие прецеденты (например, попытка признания Москвой в 60-е гг. XIV в. власти сразу двух соперничающих ханов) приводили к конфликту с обоими сюзеренами.

В 1461 г. наблюдается ослабление системы вассального подчинения. Происходит вооруженное противостояние Москвы и Казани (вероятно, вследствие попытки покорения Вятки в 1459 г., изгнания суздальских князей и, возможно, нерегулярности выплаты дани в Казань). Тем не менее, нет оснований для утверждения, что вассалитет по отношению к Казани был полностью ликвидирован.

В 1467–1469 гг. разворачивается война Московского княжества с Казанским ханством. Происходит утверждение политической независимости Московской Руси, что, вероятно, было юридически закреплено в мирном договоре 1469 г. (Сам текст не сохранился, но обстоятельства, в которых договор был заключен, дают право выдвинуть версию о прекращении даже формальной зависимости Москвы от Казани). Летописное выражение “добил челом” по отношению к казанскому хану Ибрагиму, осажденному в Казани московской ратью, дает основание отвергнуть мнение М.Г. Худякова, А.Х. Халикова и некоторых других ученых о прекращении зависимости Москвы от Казанского ханства в 1487 г.

Набеги и походы войск Большой Орды, очевидно, следует считать попытками нового подчинения Северо-Восточной Руси, успешно отраженными Москвой. В контексте этой трактовки поход 1480 г. – событие из ряда подобных (1465, 1472), отличающееся масштабностью, но не являющееся в свете вышесказанного свержением ордынского ига – ни в фактическом, ни в формальном смысле, как это обычно утверждается в историографии.

[НЕКОТОРЫЕ ПОЯСНЕНИЯ К ТЕКСТУ СТАТЬИ, сделанные мной в 2006-2007 гг. при подготовке к интернет-публикации:

Это моя первая печатная работа вообще и по проблематике русско-постзолотоордынских взаимоотношений – в частности. Данная статья (тезисы доклада) была написана в декабре 1999 года, опубликована в мае 2000 года, после проведения научно-практической конференции студентов и молодых ученых на историческом факультете УрГУ им. А. М. Горького. Основанием работы послужили полуторагодичные изыскания – курсовая работа за третий год обучения, накопление и обобщение

материала в 1 семестре 4 курса. Огромную помощь в работе над статьей мне оказал мой научный руководитель – *Анатолий Тимофеевич Шашков*, который помог систематизировать и стилистически выправить тот ворох амбициозных заявлений, чем, по сути, являлись мои тезисы. Благодаря такой поддержке, спустя годы после написания своей первой (пусть небольшой, без должного научно-справочного аппарата) работы я могу твердо сказать: первый блин не вышел комом.

Всё же считаю необходимым привести несколько важных пояснений, дабы смысл тезисов был более понятен как специалистам, так и простому читателю – любителю истории.

1. ...происходит переориентация вассального подчинения московского великого княжества и зависимых от него земель. Традиционного сюзерена – хана Большой Орды – сменил хан вновь образованного Казанского ханства... – Имеется в виду то обстоятельство, что ордынские ханы – сюзерены московских и прочих русских князей – имели ставки, как правило, на юге – в Нижнем Поволжье (Сарай), в Северном Причерноморье, Крыму, на Северном Кавказе (*всё это основное ядро, пользуясь терминологией “Казанской истории” XVI века – “Большой Орды Золотой”*). После окончательного распада Золотой Орды – в 20-х – 30-х годах XV века, из среды Джучидов выдвинулось несколько претендентов на сюзеренитет над русскими князьями (соответственно, на верховенство над “Русским улусом” и получение с него дани), создавших свои относительно стабильные государственные образования вблизи от русских границ: это Саид-Ахмад, Кичи-Мухаммад и давнишний, еще времён Витовта и известной тяжбы о великом княжении 1431-32 гг. сюзерен Василия II – изгнанный из степей Северного Причерноморья – хан Улуг-Мухаммад. Войскам последнего (обосновавшегося с конца 30-х гг. XV в. Среднем Поволжье, на восточных границах русских земель) удалось в 1445 году нанести поражение москвичам и взять в плен самого великого князя московского. Соответственно, отпуская Василия II на Русь, Улуг-Мухаммад и, надо полагать, его сын Махмудек, закрепляли за собой верховную власть над Владимиро-Московским великим княжеством (в ущерб интересам остальных претендентов – владевшего Северным Причерноморьем Саид-Ахмада и господствовавшего в прикаспийском Заволжье Кичи-Мухаммада).

Формально Улуг-Мухаммад добился подтверждения своих сюзеренных прав, которыми он уже владел раньше – в 20-х – начале 30-х годов XV века; однако фактически и географически произошла “переориентация” вассально-сюзеренных связей: в его руках была лишь часть Среднего Поволжья, ядром государства станет *казанский юрт*, владельцы которого, насколько нам известно, ранее не были сюзеренами русских князей, а сами были в непосредственной зависимости от золотоордынских ханов. В этом смысле, как сказано в статье, **«1445 г. являлся поворотным моментом в русско-ордынских отношениях»**. При всём этом Улуг-Мухаммад стремился стать не просто казанским царевичем или болгарским князем, а явно желал сохранить золотоордынскую преемственность, о чем столь поэтично говорится в “Казанской истории” XVI века.

Проще говоря, если привести аналогию с недавним прошлым, подобная ситуация могла бы сложиться в начале 90-х годов прошлого века, если бы М.С. Горбачёв сохранил свою власть на части территории бывшего СССР – например, в Белоруссии, но являться при этом не главой БССР, а по-прежнему Президентом СССР. События 1445 года в отношениях между Московской Русью и Ордой Улуг-Мухаммада в этом случае будут идентичны тому, если бы такому «Советскому Союзу» удалось восстановить свое господство в Восточной Европе (*впрочем, в самой истории русско-ордынских взаимоотношений уже бывали подобные случаи: в 60-х – 80-х гг. XIII века верховных сюзеренов Великой Монголии «сменяют» теперь уже независимые Джучиды; в конце того же века часть русских князей (в том числе Северо-Восточной Руси) ориентируется не на владевших Сараем и Нижним Поволжьем Джучидов, а на обособившегося Ногая, ядром владений которого были степи от устья Дуная до Днепра*).

2. ...основания Касимовского царства, ставшего следствием договора 1445 г. и “испомещения” на территории Руси под давлением Казани татарских царевичей, опровергается событийным рядом (служба царевичей Василию II во время набега казанцев в 1448 г., а также сам факт службы царей Касимовского ханства Москве, а не Казани)... – Какие именно давал в кормление татарам русские города Василий Васильевич осенью и зимой 1445/46 годов – по летописям точно установить не удастся; вряд ли царевичи – сыновья самого хана – польстились бы в тот момент, когда они являлись победителями, захолустным, запустевшим пограничным городком. Другое дело – получить его во владение за службу, в совсем иных политических условиях, при полном соблюдении престижа Джучида (касимовские царевичи уже тогда стали получать жалованье в виде “выхода”, причем не только от московских, но и от рязанских великих князей).

Мы считаем, что появление Касимовского царства как одно из условий договора с Улуг-Мухаммадом в 1445 году маловероятно:

а) слишком близко расположенное к Казанскому ханству, оно должно было бы ориентироваться в таком случае на Казань, а не Москву;

б) царевичи пришли в 1446 году на службу к Василию Тёмному “из Черкас”, то есть с Северного Кавказа, куда они, вероятно, бежали после захвата власти в Казани Махмудеком, а не из Касимова – Городца Мещерского на Оке (где они могли бы отсидеться в случае конфликта со своим старшим братом);

в) версия о том, будто бы царевичи прибыли к сторонникам Василия с ведома Махмудека и чуть ли не являлись прямой помощью последнего свергнутому вассалу несостоятельна уже потому, что в противном случае излишней становится мотивация прихода царевичей, изложенная в летописях как их отклик на ранее оказанное «добро» великого князя. В этом смысле мной отмечено в статье: **«...данными летописей подтверждается известие из “Казанского летописца” о перевороте в Казани (свержение хана Улуг-Мухаммада царевичем Махмудеком), опровергаемое некоторыми учеными. Это приход царевичей Касима и Якуба “из Черкас” к Василию Тёмному в 1446 г. (что уже указывалось в литературе)...»**. Сюда же относится упомянутый в тексте нашей статьи конфликт начала 1448 года, который при развитии неизбежно привёл бы к столкновению Махмуда с великокняжескими войсками, в состав которых входили отряды татар под предводительством Касима и Якуба.

3. ... решающим же аргументом является задержание (в ряде летописей – и убийство) в Муроме ханского посла Бегича (осень 1445 г.)... – Столь непочтительное обращение с ханским послом (наряду с отсутствием прямого упоминания о данном событии в Послании духовных иерархов Шемяке в декабре 1447 года) даже вызвало сомнения у некоторых историков в достоверности сообщения. Однако известие это содержится в нескольких, достаточно ранних летописях (см. реконструкцию времени написания летописных текстов XV века Я. С. Лурье), не очевидны и основания для его вымысла и фальсификации, хотя само событие и не имеет в летописи внятного объяснения (*за исключением важности недопущения переговоров Шемяки с ханом*) и описания последствий. Определённые сомнения могут возникнуть относительно известия, будто бы посольство везло с собой предложение Шемяки об убийстве великого князя (что явно позднейший домысел, тенденция к демонизации потерпевшего поражение в войне князя).

Вероятно, что заточение посла хана (или будто бы даже его *тайное убийство, если верить относительно позднему рассказу Ермолинской летописи*), плывшего вниз по Оке и схваченного в Муроме после визита к Шемяке, не повлекло каких-то значительных последствий по причине скорого переворота в Казани (именно в этом смысле мной показана в статье вероятная связь между двумя этими событиями). Вряд ли Махмудека могла так сильно волновать судьба посла свергнутого им отца. Гораздо важнее – подтверждение Василием своих вассальных обязательств. В противном случае (точное время смерти Улуг-Мухаммада нам не известно), заточение Бегича (или Бигича) могло оставаться тайной продолжительное время, а в условиях быстроменяющейся политической ситуации (свержение самого Василия в 1446 году и т. п.) острота вопроса могла потерять свою актуальность. Посла могли задарить и выпустить, в случае его смерти – откупиться от его родственников и т. д.

Другое дело, что как сам факт задержки посла хана, так и факт убийства Махмудеком отца до сих пор вызывают определённые и справедливые сомнения в научной литературе, – главным образом, в виду проблемы их подтверждения другими источниками (сообщение о первом содержит лишь великокняжеское летописание, начиная со второй половины XV века; о втором – «Казанская история» 60-х годов XVI века, хранящая в основном легендарные сведения, предания казанского двора). Считаю, что следует придерживаться «золотой середины»: ведь, по большому счёту, нет и сведений, прямо опровергающих данные известия. По моему мнению, следует избегать крайностей: сомнительно, что дошло до преднамеренного убийства ханского посла (тем более, как отмечено выше – это «позднее», а потому, скорее всего менее достоверное сообщение), как и не совсем ещё можно принять версию убийства Улуг-Мухаммада сыном, хотя сам факт переворота в пользу Махмудека (допустим, после смерти отца, под знаком вопроса о её причине) – не вызывает сомнений уже потому, что бегство Касима и Якуба в «Черкасы», то есть Северный Кавказ, вполне очевидно (о вражде потомков Улуг-Мухаммада в данном районе упоминает венецианец И. Барбаро).

4. ...В 1447–1448 гг. происходит утверждение системы вассальной зависимости Москвы от Казани, а также непризнание Москвой прав сюзеренитета двух других претендентов на правопреемность, появившихся после распада Золотой Орды – Сеид-Ахмада и Кичи-Мухаммада... – В указанные годы произошел новый виток противостояния Василия Тёмного и Дмитрия Шемяки. Война между ними переходит в решающую стадию: оба заняты поиском сильных союзников. Московская Русь и зависимые от нее земли фактически раскалываются надвое, – так через несколько лет Англия будет разделена на сторонников династий Йорков и Ланкастеров. Роль в затяжном конфликте казанского хана Махмудека сложно оценить, пользуясь летописным материалом. Известно лишь о набеге его войск в начале 1448 года на

окрестности Муром и Владимира (в последний с войсками и московскими воеводами для отражения казанцев был отправлен и малолетний Иван Васильевич). Причем нет сведений, как о причинах, так и о последствиях этого набега. Свет на ситуацию во взаимоотношениях В. В. Темного и Д. Ю. Шемяки с казанским ханом проливает такой источник, как упомянутое нами “Послание иерархов русского духовенства (Малого собора РПЦ) князю Дмитрию Юрьевичу” (дек. 1447), содержащее разного рода увещевания в связи с разжиганием междоусобицы галицким князем. В частности, упомянут факт заточения в Казани посланника великого князя Василия к Махмудеку, в чем иерархи видели происки и наущения Шемяки; рассказывается и об отказе последнего нести общерусские расходы на “проторы” (проезд и содержание) послов хана Саид-Ахмада, владевшего в эти годы степями Северного Причерноморья.

В результате сопоставления современных (1447–1448 годы) и последующих событий (конца 40-х – 50-х годов XV века) с данными указанного источника мы пришли к выводу, что правительство Василия Темного находилось в тот момент перед выбором сюзерена (шел обмен посольствами и с Саид-Ахмадом, и с Казанью) и, очевидно, сделало таковой в пользу Махмудека. Отсюда и неясные по летописям последствия набега казанцев зимой 1448 года (видимо, Махмудек ограничился кратковременным грабежом, демонстрацией силы, – до столкновения с московскими войсками дело не дошло), и затишье на московско-казанской границе вплоть до 1461 года (на данное обстоятельство указывал еще К. В. Базилевич в монографии 1952 года). Вассальными обязательствами перед правителем Казани и регулярной данью Василий Темный решал проблему получения казанского нейтралитета в войне с Шемякой. С другой стороны, ему пришлось жертвовать спокойствием южных границ: Саид-Ахмад вовсе не собирался отказываться от своих прав на сюзеренитет и “царев выход” (а это тысячи рублей серебром – огромная по тем временам сумма).

О каком-либо дроблении “выхода” между претендентами на верховенство над “Русским улусом”, на возможность которого указывает ряд ученых (например, В. Д. Назаров по отношению к периоду 1437–1467/69, А.А. Горский – 1437–1447/49 гг.) можно было бы говорить, если бы существовали некие многосторонние договоренности между Москвой и Ордами. Ни о чем подобном источники не говорят. В реальности любые деньги, заплаченные в качестве дани одному из Джучидов, могли быть потребованы в полном объеме другим претендентом на сюзеренитет. Мало того, сравнивая с прецедентами более раннего времени (*о чем говорится и в рассматриваемой статье*), любые даннические отношения вассала к третьим лицам – соперникам сюзерена – были бы истолкованы последним как измена и растрата денег, которые тот мог бы получить и сам. Так я пришёл к выводу, что ханы Саид-Ахмад и Кичи-Мухаммад (последний в рассматриваемый период прочно обосновался в Заволжье и, полагаем, не имел прямых, безопасных путей сообщения с Русью, поэтому не мог реально угрожать ей набегами, как и вообще влиять на ход междоусобной войны Василия II и Шемяки) в конце 40-х годов были лишены возможности получения русской дани.

При написании статьи в 1999 году я ещё не до конца решил для себя вопрос о хронологии даннических отношений Москвы с Ордами вышеназванных ханов. На третьем курсе, работая над курсовой и только начиная вникать в разнообразие и сложность поднятой темы, по крупицам собирая материал источников, поначалу я сомневался в самом факте платежа «выхода» в конце 30-х–начале 40-х годов, в виду сложной обстановки на южных границах Московской Руси. Расходы на «проторы» послам от ханов Саид-Ахмада и Кичи-Мухаммада мной вполне допускались. Однако вскоре мне стал известен такой источник, как договор между Василием и Шемякой 1442 года, изучение которого отвергло всякие сомнения: платежи «выхода» действительно были. Вопрос состоял в том, осуществлялись ли они одновременно обоим ханам, что, на первый взгляд, следовало из текста договора об отправке к ним килчеев. В статье мной были приведены лишь общетеоретические размышления по вопросу самой возможности «многоадресности» платежа дани на протяжении, по меньшей мере, ряда лет, и наличия одновременно нескольких сюзеренов (то есть, мог ли московский великий князь продолжительное время быть своего рода «слугой двух господ»).

Позже, в других своих работах (также представленных мной на персональной страничке в сети Интернет) я развил данную тему, придя к следующему. Платежи имели место не одновременно, а в разное время: Кичи-Мухаммаду отправлялась дань около 1437–39 годов, Саид-Ахмаду же примерно в 1439/40–1442 годах, – то есть в те периоды, когда пределы их Орд непосредственно приближались к русским границам с юга (*см. подробнее об этом мои статьи 2001–2003 годов, а также реконструкцию военно-политического положения в Северном Причерноморье в конце 30-х–начале 40-х гг. XV в. в труде М.Г. Сафаргалиева 1960 г.*).

Отправка же дани одновременно в обе Орды, как и в Орду в разгар вспыхнувшей там междоусобицы (таковая по сообщению наших летописей с особой силой вспыхнула в 1439 году) можно было бы предположить лишь в том случае, если

а) Москва не знала, как бы ей ещё использовать свой «Стабилизационный фонд» и распорядиться порядком уже опостылевшим серебром;))

б) если «более» научно – с целью спровоцировать войну между Ордами или поддержать в раздираемой междоусобицей Орде кого-либо из соперников.

Разумеется, в последнем случае Москва вправе была рассчитывать на определенные дивиденды от своей финансовой поддержки, для реалий XV века – мирное обретение суверенитета; нельзя также не отметить, что при этом вряд ли было бы целесообразно отправлять дань длительное время: в 1501/02 годах оказалось достаточно одного платежа «выхода» в Большую Орду Шейх-Ахмада, чтобы доселе пассивная конница крымского хана Менгли-Гирая захватила и уничтожила ставку большеордынцев.

Правительство Василия Темного не могло не осознавать, что будет сложно избежать войны на южных границах с отрядами Саид-Ахмада – столь амбициозного хана, в руках которого были земли Северного Причерноморья, а временами и Крым. Поэтому в этот период (об этом говорится в вышедшей в 2001 г. статье Б.Н. Флори), в 1448 году, начинается военно-политическое сближение Москвы с Польшей и Литвой. Орда Саид-Ахмада уже с 1449 года начинает систематические набеги и на Русь, и польско-литовские земли (завершаются они лишь с распадом самой Орды – в конце 50-х годов XV века). *(О “выборе сюзерена” в 1447–1448 годах нами также подробно написано в статьях: **Расстановка политических сил в Западном Деиш-и-Кыпчаке в их взаимосвязи с Северо-Восточной Русью в 30-е – 60-е гг. XV века // Труды научной конференции студентов и аспирантов “Ломоносов-2001”: История / МГУ им. Ломоносова. Москва, 2001. С. 12–15; Характер взаимоотношений княжеств и земель Северо-Восточной Руси и постзолотоордынских государств Восточной Европы в 30 – 70-х гг. XV века // Мир истории: новые горизонты: Тезисы докладов студенческой научно-практической конференции / УрГУ. Екатеринбург, 2001. С. 147–150.)***

5. ...Доминирование Орды Сеид-Ахмада в степи от Днепра до Волги ... – пусть читателя не смущает разное написание имени хана. В своей первой статье я придерживался традиций, принятых в трудах 50-х – 60-х годов XX века; накапливая исторический материал и работая с историографией (в частности, с работами М.А. Усманова, В.Д. Назарова, А.А. Горского и других), я пришел к выводу, что правильнее было бы писать “Саид-Ахмад”, “Улуг-Мухаммад”, “Кичи-Мухаммад”, “Махмудек”, “Хаджи-Гирай”, а не “Сейид-Ахмат”, “Седи-Яхмат”, “Улу-Махмет”, “Мамотьяк”, “Ази-Гирей” и т. п. – как употребляли и ещё употребляют (зачастую, каждый на свой лад) многие историки прошлого и настоящего, пользуясь сомнительными транскрипциями мусульманских имён или традициями написания этих имен русскими летописями и прочими источниками.

В 1999 году мне ещё до конца не были ясны восточные границы владений Саид-Ахмада. Слова «...до Волги» следует понимать в том смысле, что пределы Орды доходили, по всей видимости, до среднего течения Дона, его излучины и так называемой Переволоки, – места, наиболее приближенного к Волге и где, как правило, переправлялись заволжские ордынцы во время набегов по направлению в Северное Причерноморье и на Русь.

6. ...ставит под сомнение выплату дани Кичи-Мухаммаду... – Мы полагаем, что прекращение набегов со стороны Орды Кичи-Мухаммада и его сыновей на русские земли с середины 40-х годов XV века до 1460 года вовсе не случайно, а связано с отсутствием прямых и безопасных путей для их осуществления (об этом нами также упомянуто выше). В работе В. Л. Егорова (1985) по исторической географии Золотой Орды назван источник XVII века, в котором указаны две “сакмы” – традиционные направления ордынских набегов на Русь:

а) через Самарскую Луку (в рассматриваемый период, очевидно, была занята казанцами; кроме того, с середины 50-х годов XV века ближайшие к данному направлению пути были надёжно перекрыты касимовскими татарами);

б) через Волгу и Дон в месте их наибольшего сближения (Переволока).

Как только пала Орда Саид-Ахмада, “прикрывавшая” собой удобные (южные) маршруты движения из-за Волги и Дона на Русь, старший сын Кичи-Мухаммада попытался разорить Рязанское княжество (1460 г.). Следующая попытка похода на русские княжества (1465 г.) была сорвана крымским ханом Хаджи-Гираем, разгромившим, как раз при переправах через Дон, войска своего нового соперника-Джучида.

Таким образом, в отличие от военно-политической ситуации на московско-казанской границе, где в 50-х годах XV века также было почти полное затишье (есть глухое упоминание о набеге на Галич примерно в начале 50-х гг. XV в., что могло иметь причиной желание казанцев поживиться на территориях удела проигравшего междоусобную войну Шемяки (без того уже основательно разорённого ещё в конце 40-х гг. московскими великокняжескими ратями) и потому не могло носить принципиального значения для изменения характера московско-казанских взаимоотношений), *в отсутствие набегов на Русь со стороны Орды Кичи-Мухаммада мы не можем усмотреть осуществления регулярного платежа дани со стороны*

Москвы, как это делает в своих работах В. Д. Назаров. В правоте выводов последнего по данному вопросу усомнился и высказал свои возражения также и Б. Н. Флоря (2001). Мы можем добавить такие аргументы, как отсутствие военной помощи со стороны Орды Кичи-Мухаммада Москве в то время, когда она страдала от постоянных набегов отрядов Саид-Ахмада и на какую, разумеется, вполне могла рассчитывать в случае платежа дани. Кроме того, мы не можем заподозрить Василия Тёмного в стремлении прослыть в среде Джучидов альтруистом и щедрым меценатом: *зачем добровольно платить отдаленной Орде*, не способной в тот момент (конец 40-х–50-е гг. XV в.) ни к осуществлению собственных крупномасштабных военных акций (севернее – независимое Казанское ханство, западнее – неконтролируемая Земля черкесов, – т. н. "Черкасы"), ни к оказанию помощи "вассалу" (в 1406 году эмир Идигэ (Едигей) поддержал Василия Дмитриевича в борьбе с Литвой, хотя московский князь упорно уклонялся от платежа дани), – *когда как явно выгоднее было бы откупиться от набегов ордынцев Саид-Ахмада*.

7. ...В 1461 г. наблюдается ослабление системы вассального подчинения. Происходит вооруженное противостояние Москвы и Казани (вероятно, вследствие попытки покорения Вятки в 1459 г., изгнания суздальских князей и, возможно, нерегулярности выплаты дани в Казань)... – Летописи не называют причин "гнева" Василия Темного на Казань в 1461 году, указывая лишь на сбор войск, поездку во Владимир и примирение сторон (опять же, без подробностей). Возможно, казанская знать пожелала дополнительных даров и дани – ведь территория, подвластная Москве (не без дружественного нейтралитета Казанского ханства) в 50-е годы значительно расширилась. В подобной ситуации несколькими десятилетиями ранее общее количество платежей, несомненно, увеличивалось, как в случае с "закамским серебром" в XIV веке, присоединением нижегородских земель и т. п. *Вероятно, Махмудек желал своей доли из той добычи, что досталась Василию Тёмному в результате упомянутого в статье покорения Вятки в 1459 году, и, что особенно важно, «мирного» похода в 1460 году в Новгород Великий*. Сам факт конфликта (полагаем – неповиновение сюзерену, отказ от притязаний на дополнительные платежи в Казань) примечателен: Василий Темный после победы в междоусобице уже не столь зависел от позиции восточного соседа, военный потенциал которого, в сравнении с заметно усилившейся Москвой, не был значительным. Казанские ханы, в то же время, не имели тех возможностей "разделять и властвовать", какими обладали их золотоордынские предшественники. Очевидно, что Улуг-Мухаммад и Махмудек довольствовались той неожиданной удачей – пленением московского великого князя – и не могли уже, в условиях нестабильности и ограниченности своих собственных сил, требовать чего-то большего, нежели номинальное признание собственного сюзеренитета и регулярного платежа дани. Пока было шаткое равновесие между Василием Темным и Шемякой – внешняя, близкая к театру междоусобной борьбы военная сила Махмудека играла значительную роль. Однако ни военных ресурсов, ни политических возможностей для нового раскола Северо-Восточной Руси на независимые друг от друга княжества у казанских Джучидов не было, – приходилось выбирать сильнейшую сторону и надеяться на ее "благодарность". Это был путь заведомо проигрышный в перспективе, но абсолютно выгодный на тот момент. Не расходуя понапрасну и без того небольшие военные силы (к тому же, пострадавшие в набеге 1446 года на Великий Устюг, ослабленные уходом части сил с Касимом и Якубом), можно было получить несоразмерно большие барыши, нежели полагаясь на военное счастье. Как видим, до начала 60-х годов XV века ситуация устраивала обе стороны – и Москву, и Казань. Конфронтация 1461 года стала для Казани первым тревожным сигналом об окончании идиллии.

8. ...Тем не менее, нет оснований для утверждения, что вассалитет по отношению к Казани был полностью ликвидирован... – Развязка конфликта 1461 года была оценена К. В. Базилевичем (1952) как окончание зависимости Москвы от Казани. При работе над статьёй в 1999 году, во многом разделяя взгляды известного учёного по данной проблеме (собственно, неординарный подход его к истории 40-х–70-х годов XV века и подвиг меня вплотную заняться проблематикой обретения Северо-Восточной Русью государственной независимости), при всех "за" и "против", я всё же пришёл к заключению, что *в отношениях Москвы и Казани в 1461 году был сохранен статус-кво*. Вероятно, что был достигнут компромисс: казанцы оказались вынуждены устранить причины (полагаю, снять или уменьшить свои дополнительные финансовые требования), вызвавшие "гнев" московского великого князя. Однако мы не могли не заметить, что современные летописи не видят в замирении сторон (даже не указываются какие-либо условия) особо важного события, кроме как прекращение угрозы большой войны. Видимо, на мнение К.В. Базилевича о значении событий 1461 года могло оказать влияние *разночтение летописей XV и XVI века* (оно могло или остаться незамеченным, или предпочтение отдано поздним источникам), *сравнительный тщательный анализ текстов которых лишь относительно недавно был проведен Я.С. Лурье (1994)*. Наиболее востребованная историками Никоновская летопись на деле содержит приписку к предыдущему оригинальному тексту XV века (вероятно, отсюда и соответствующее по смыслу прибавление у Татищева): мы полагаем, что она взята, может быть

случайно, без особого умысла, из известия о заключении мира с Казанью осенью 1469 года, которое как раз говорит, по крайней мере, о формально-юридическом равенстве договаривающихся сторон.

Кроме того, по новгородским источникам известно, что в 1461 году от имени великого князя был взят “черный бор” с Великого Новгорода (традиционные платежи в пользу правителя Орды, в данном случае – сюзерена великого князя Владимирского и Московского). Мы не можем допустить, что это произошло для платежа в Большую Орду, войска которой незадолго до этого, в 1460 году потерпели неудачу в Рязанском княжестве, где находились московские наместники. Надо полагать, взимание “черного бора” было связано как раз с московско-казанским конфликтом 1461 года.

9. ...Происходит утверждение политической независимости Московской Руси, что, вероятно, было юридически закреплено в мирном договоре 1469 г... – Выглядеть это могло, как констатация факта равноправия правителей Москвы и Казани – их “братство”.

10. ...мнение М.Г. Худякова, А.Х. Халикова и некоторых других ученых о прекращении зависимости Москвы от Казанского ханства в 1487 г... – Данное утверждение основывается на употреблении термина “выход” в значении разного рода расходов в сношениях Московской Руси с *постзолотоордынскими* государствами Джучидов, в том числе с Казанью. Приравнивать “царев выход” времен вассальной зависимости к данной практике – означает обвинить московских правителей конца XV – XVI веков в сомнительной филантропии и альтруизме. (См. также: *Альтернативные датировки прекращения уплаты ордынского “выхода” в историографии // Россия: история и современность: Тезисы V межвузовской конференции студентов и молодых ученых / СурГПИ. Сургут, 2003.*)

11. ...поход 1480 г. – событие из ряда подобных (1465, 1472), отличающееся масштабностью, но не являющееся в свете вышесказанного свержением ордынского ига – ни в фактическом, ни в формальном смысле, как это обычно утверждается в историографии... – Уже в процессе работы над курсовой за 3 год обучения (1998/99 г.) возникла и при написании данной статьи осенью 1999 года окрепла мысль, что, *как таковой, зависимости Московского государства от ханов Большой Орды*, время от времени осуществлявших набеги (правда, не с той интенсивностью, как это делали войска Саид-Ахмада) на русские земли, *попросту не было*. Москва дипломатично, но верно, хотя и не без уловок, подкупа знати, пустых обещаний (и даже однократного платежа «выхода» в финале противостояния 1501/02 гг., о чём мной упомянуто выше) в периоды военных конфликтов (1460–1502), отвергала притязания большеордынских ханов, стремившихся навязать свой сюзеренитет “самодержцу” русской земли – Ивану III. (См. подробнее: *Москва и Большая Орда в 60-е–70-е гг. XV века // Россия: история и современность: Тезисы VI межвузовской конференции студентов и молодых ученых / СурГПИ. Сургут, 2004. С. 41–46.*.)